

УДК 94(470+571) + 930.2«1914/1917»
DOI 10.52452/19931778_2021_6_37

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: РЕЗИДЕНЦИИ НИКОЛАЯ II 1914–1917 гг. В МЕМУАРАХ ЦАРСКИХ МИНИСТРОВ

© 2021 г.

Д.Л. Пушкарева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

pushkarevadl@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.11.2021

В 1915 г. в связи с «самоназначением» Николая II Верховным Главнокомандующим императорская резиденция – пространство контрастного пересечения «приватного и официального» – переместилась из Александровского дворца в Губернаторский дом Ставки, из Царского Села в Могилев, тогда как Совет министров сохранил пребывание в Петрограде. В статье анализируются перемены в практике приемов министров при посещении ими царской резиденции на основании сведений в мемуарном наследии бывших членов правительства. Исследование показывает, что смена локации повлекла за собой трансформацию официального этикета и церемоний, прямо отразившись в актах политической коммуникации на вершине власти.

Ключевые слова: мемуары, Николай II, перформативные исследования, церемониальное пространство, политическая коммуникация, резиденция.

Одной из важных составляющих официальных будней Николая II являлся прием министров, успешное взаимодействие с которыми способствовало устойчивости правительственного курса. Как известно, в августе 1915 г. император принял решение занять пост Верховного Главнокомандующего действующей армии. Намерение Николая II встретило сопротивление со стороны членов Совета министров (за исключением премьера И.Л. Горемыкина), призвавших царя отказаться от этого поста [1, с. 179–189]. Несмотря на их выступление, роковое решение императора осталось непреклонным. С осени 1915 г. большую часть времени Николай II проводил в Могилеве, в то время как правительство оставалось в столице. С тех пор оно теряло политическую роль, что привело, по некоторым оценкам, к утрате Советом министров прежней субъектности уже в 1916 г. [2, с. 293]. Были поставлены под вопрос возможности политической коммуникации между императором и министрами, нарастали факторы разобщенности в их личной коммуникации. Известно, что скромность «царя-полководца» стала подчеркиваться в официальной пропаганде через описания простоты быта в могилевском доме [3, с. 165]. Ощущение отчужденности маркировал сам перенос императорской резиденции, а его новый быт переформатировал порядок приема министров. Какие же новые черты официального этикета были подмечены членами правительства в «походной» резиденции императора и как эти перемены повлияли на их взаимо-

действие? Ценные сведения об императорской повседневности и устройстве резиденций Николая II обнаруживаются в исследованиях И.В. Зиминой [4], Ю.В. Варфоломеева [5], М.В. Шиловского [6] и пр. Однако церемониальные аспекты политического процесса на закате имперской власти требуют дополнительного изучения.

Трансформацию церемоний и официального этикета в новой локации можно рассматривать с позиций перформативных исследований. Такая парадигма акцентирует внимание на действиях субъектов (и неодушевленных «актеров») [7, с. 235], изменчивых сценариях их поведения и взаимодействия [8, с. 930]. Наибольшее влияние «перформативного поворота» прослеживается в изучении ритуалов, т.е. эпизодов повторяющегося и упрощенного культурного общения, участники и наблюдатели которого разделяют веру в достоверность символического содержания общения [9, р. 29]¹. Церемонии, в отличие от ритуалов², направлены на сохранение имеющихся внутриобщественных связей и обладают ярко выраженным событийным характером [11, с. 121]. Категорией, задающей контекст церемонии и демонстрирующей её язык, является пространство [13, с. 4]. Использование термина «пространство» позволяет детально рассматривать сферу взаимодействия социальных акторов [14], в которой значением обладает их относительная близость/удаленность. При этом во взгляде на пространство самих акторов какой-то из его аспектов будет важным, но незаметным для них, а другие будут осознаваться и обсуж-

даться [15, с. 330]. Следует предположить, что с течением времени в процессе реконструкции событий в «театре памяти» их соотношение может меняться, а процесс записи воспоминаний стимулирует переосмысление мизансцен и диспозиций. Если взаимодействие акторов становится дисгармоничным и образуется конфликт (общественный, политический, межличностный и пр.), то этот процесс становится «социальной драмой» [16, р. 37–43], которая затем переписывается в мемуарных текстах. В ритуальной ситуации пространство предстает как место совершения церемонии, обладающее собственным декором и организующее перемещения/расположение участников с их нормативными представлениями о мире и власти [13, с. 51]. Отклонение от них служит мотивом драматизации. Тем самым стоит говорить о церемониальном пространстве, т.е. «единстве взаимного расположения участников, символического значения границ и способов их перехода, основных принципов устройства дворцов и резиденций» [13, с. 55].

В культуросоциологической теории под перформансом, как правило, понимается «действие, совершаемое перед аудиторией» [17, с. 13]. Для того чтобы оно стало успешным, «актор» (человек, группа, организация и пр.) стремится – сознательно или бессознательно – внушить желаемый смысл, так, чтобы «аудитория» в него поверила [18, р. 83]. Для убеждения аудитории в правдивости своих намерений акторы способны разыгрывать «культурные представления» [9, р. 32]. Символической формой таких «представлений» могут быть и мемуары, в которых акторы/авторы демонстрируют конфликты в виде социальных драм. Пытаясь воздействовать на эмоции и обосновывая моральную правоту своих поступков, акторы представляют аудитории/читателям себя как главных действующих лиц, а оппонентов как персонажей, не внушающих доверия и симпатии. Мемуары выступают в качестве стратегического средства связи между акторами и аудиторией, поскольку обладают доступностью в пространстве (публикации с распространением печатных изданий) и во времени (установка на вклад в будущее знание) для эффективной передачи интерпретаций.

Основу данного исследования составило мемуарное наследие членов российских правительств 1914–1917 гг., формировавшееся в течение первой половины XX в. Уже в 1919 г. письменные проекты личных наблюдений разной степени завершенности имелись у морского министра И.К. Григоровича [19, с. 129], военного министра А.А. Поливанова [20, с. 120–121; 21–25], министра иностранных дел Н.Н. По-

кровского [26, с. 23], министра торговли и промышленности В.Н. Шаховского [27, с. 24]. Эмигрантской общественности были представлены мемуары министра иностранных дел С.Д. Сазонова [28], министра финансов П.Л. Барка [29; 30] и министра земледелия А.Н. Наумова [31]. Временная дистанция между реальными событиями и составлением текстов указывает на возможности переосмыслить и выделить важное, с точки зрения мемуариста, для успешной демонстрации «представления» читателям. Авторские акценты на личном взаимодействии главных персонажей и насыщенные характеристики императорских резиденций дают основания полагать, что выбранный корпус текстов обеспечит полное представление самих участников о трансформации церемониальных пространств императорских резиденций в 1914–1917 гг. Наиболее репрезентативными в этом отношении являются мемуары А.Н. Наумова и А.А. Поливанова, что обусловлено личными особенностями авторов и сложной рабочей обстановкой описываемых ими событий (у А.Н. Наумова были большие разногласия с премьер-министром Б.В. Штюрмером, а А.А. Поливанов не пользовался благосклонностью у самого императора). В свою очередь, церемониальное пространство резиденций Николая II, конструируемое памятью мемуаристов, корректируется дополнительным материалом в виде мемуаров очевидцев рассматриваемых событий [32–34], камер-фурьерских журналов за 1916–1917 гг. [35], историографического издания Д.Н. Дубенского [36].

В настоящей статье предпринята попытка выявить трансформацию церемониального пространства в практике приема императором членов правительства на основании мемуаров главных участников взаимодействия, т.е. российских министров 1914–1917 гг. В центре внимания исследования находится сочетание двух «сцен» – реальной (церемониального пространства резиденций) и воображаемой (того, как церемониальное пространство транслируется мемуаристами). Наиболее полно они отражены в таких церемониальных ситуациях, как «Всепопданнейший доклад» и «Высочайший обеденный стол».

Всепопданнейший доклад являлся формой выражения ответственности за ход государственного управления перед монархом [37, п. 81]. Каждый министр должен был отчитываться перед Николаем II один раз в неделю. Исключением стоит признать посещения военного министра, совершавшиеся два раза в неделю, а также экстренные вызовы, общие заседания Совета министров под председательством

императора и особо памятные дни религиозного или траурного характера. Визит министра в Царское Село не был спонтанным: к нему готовились, предварительно составляя письменные доклады. Сам же процесс приема сохранял «обрядность», которая, согласно мемуарам Поливанова, сложилась с довоенного времени [25, с. 159]. В Александровском дворце прибывшего министра встречал скороход в парадной форме и провожал в комнату ожидания – приемную, находившуюся перед кабинетом. Впрочем, министру не приходилось долго ждать (император в вопросах приема был пунктуален) [29, с. 477], и в назначенное время от дежурного камердинера следовало приглашение пройти в кабинет Николая II [25, с. 159]. Исключением могли быть только задержки предшествующих докладчиков [31, с. 498].

Николай II встречал посетителя преимущественно стоя [31, с. 495], после чего предлагал пройти к письменному столу. Сам процесс приема доклада можно разделить на официальную и неформальную части. Официальная часть являлась первоочередной: министр зачитывал императору подготовленное сообщение, касающееся государственного порядка и подконтрольного ведомства. Письменная форма являлась предпочтительной, поскольку подразумевала впоследствии возвращение доклада министру с собственноручной пометкой царя [30, с. 109–110]. Таким образом, у императора была возможность перечитать и осмыслить изложенное, а у министра – получить официальную резолюцию императора на бумаге. Данная практика была естественной как в Царском Селе, так и в Ставке. Что касается неформальной части приема, то она могла быть посвящена личным и служебным аспектам, которые не являлись предметом обсуждения. Например, это могли быть диалоги о личных и семейных обстоятельствах докладчика [31, с. 496], размышления императора и вопросы от министров [29, с. 119], прошения и ходатайства [31, с. 508], передачи писем [30, с. 109], обмен мнениями [27, с. 213] и пр. Окончание же доклада происходило вновь стоя, при этом, согласно наблюдениям Поливанова, император и докладчик «медленно шли на середину комнаты» [24, с. 154]. Условия проведения приема министров, согласно мемуарам Наумова, протекали более или менее одинаково [31, с. 500].

Александровский дворец, долгое время служивший основной резиденцией императора, перестал быть таковым, когда Николай II принял решение взять на себя Верховное командование. О восприятии министрами губернаторского дома в Могилеве как новой резиденции

императора свидетельствуют выражения Поливанова и Наумова, в которых дом определяется «называвшимся ныне» [31, с. 506] «дворцом» [24, с. 145]. Однако установление тождества между губернаторским домом и дворцом весьма иронично, поскольку такое наименование заключается в кавычки. Шаховской вспоминает о могилевском доме более прямолинейно, поскольку подчеркивает, что резиденция представлялась ему как «захудалый губернаторский дом с весьма скверной, потертой мебелировкой» [27, с. 218]. Подобную категоричность и иронию со стороны министров можно назвать неприязненной реакцией на упрощение того статусного места, каким являлась царская резиденция. Один из приближенных императора, генерал-историограф Д.Н. Дубенский, признанный чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства представителем «темных сил» [5, с. 3], еще в 1916 г. подчеркивал простоту дома в Могилеве со «старинной мебелью» в отсутствии роскоши, удовольствий и развлечений [36, с. 59–60]. Издание Дубенского, выпущенное в Министерстве императорского двора, транслировало новый «сценарий власти» Николая II. Могилевский дом должен был репрезентировать императора как человека войны, не испытывающего влечение к мирским благам и сосредоточенного лишь на пользах фронта. Соответственно, министры, подчеркивая неприязнь к «походной» резиденции, демонстрировали читателям неудачу в самопрезентации императора у высших сановников, которая, по замыслу, должна была возвысить его образ за счет высокоморального отказа от удобств и статусных атрибутов. Заметим, что в Могилеве в пользовании Николая II находилось четыре комнаты, которые и составляли его рабочее и личное пространство: кабинет, спальня, приемный зал и столовая. Император не был единственным жильцом дома, размер которого был относительно небольшим [38, с. 50]. Вместе с ним проживали и его приближенные: В.Б. Фридерикс, В.Н. Воейков, К.Д. Нилов и пр. [20, с. 133]. Уплотнение пространства царской резиденции может говорить об определенных признаках построения императорского «быта» нового типа. Полагаем, что совместное сосуществование императора и свиты в небольшом пространстве нового «дворца» способствовало нарушению интимности и приватности в жизни монарха.

После размещения царской резиденции в Могилеве привычный характер связи между императором и членами правительства изменился. Вместо еженедельных визитов основным средством связи стали письменные сношения, главным минусом которых была медлитель-

ность и, как следствие, возникающие недопонимания между монархом и министрами [30, с. 43]. Встречи министров и императора существенно сократились [6, с. 153]. Однако вербальная коммуникация все-таки была значима, и министров в царской Ставке можно было видеть часто. Тем не менее если в столице «приемные дни» являлись упорядоченной обыденностью, то в Ставке время и день всегда были разными и не поддавались какому-либо порядку [31, с. 500].

Сопровождение министра до рабочего кабинета осуществлялось тем же образом, что и в Царском Селе, изменилась только обстановка. Министра встречал скороход. Он же сопровождал прибывшего к императору на второй этаж по «скромно убранной лестнице» [31, с. 506] к приемному залу, служившему местом ожидания для приема Николаем II в кабинете. После того как докладчик оказывался в новом «рабочем кабинете», он получал приглашение сесть на креслах возле рабочего стола [20, с. 134; 21, с. 157]. Несмотря на схожесть в практике осуществления встречи министров-докладчиков, элементом, в котором усматривается отличие от процесса приема в Царском Селе, являлась форменная одежда. Она приняла более упрощенный вид. Взамен парадной формы скороход, например, был одет в военное обмундирование «защитного цвета» [20, с. 134]. Вероятно, перемена во внешнем виде была связана со статусом и расположением новой резиденции. Военная форма символизировала общий солдатский дух и соответствовала образу главного места власти в империи на период ведения войны. Однако форменная одежда изменилась и у самих министров, которые не проживали в Ставке и появлялись Могилеве лишь на недолгий срок (за исключением министра императорского двора Фридерикса). Если в столице министру на прием следовало облачаться в форму, соответствующую его чину, то в Ставке одежда напоминала армейскую. Подробное описание министерской формы Ставки оставил Наумов: «Военного покрова «френч» цвета «хакки», шашка, высокие сапоги со шпорами – все это придавало министрам в некотором смысле боевой вид. Только плечевые жгуты, вместо погон, да гражданская кокарда на форменной фуражке выдавали, что мы штатские тыловые чины» [31, с. 500].

Впрочем, доклад министра являлся не единственной формой взаимодействия с императором. Более упорядоченной и строгой в правилах этикета была трапеза. Если император и министр на докладах контактировали преимущественно тет-а-тет, то за обеденным столом участие третьих лиц было естественным.

Церемония приема пищи, сложившаяся в Ставке, несколько отличалась от столичной. Наиболее существенным изменением было то, что если в Александровском дворце император чаще всего занимался повседневной трапезой в кругу своей семьи, то в Ставке – среди свиты, министров, дипломатов и пр. И если в Царском Селе министрам, отчитавшимся перед монархом с докладом, полагался завтрак в одном из «служебных апартаментов» [31, с. 495], то «милостью» могилевского «дворца» являлся прием пищи совместно с Николаем II.

В Ставке сложился собственный ритуал приема пищи, проходивший в два этапа: завтрак в 12:30 и обед в 19:30 [4, с. 563]. Именно на них присутствовали министры, в случае выдачи им специального приглашения к Высочайшему столу, которого по разным причинам удостоивались не все. Наумов вспоминал: однажды он был удивлен тому, что ему выписали приглашение, а приехавшему премьер-министру Штюрмеру нет [31, с. 519]. Отсутствие приглашения рассматривалось как признак немилости. Поливанов называл данный жест показателем «неблаговоления». Поливанов вспоминал события сентября 1915 г., когда в Ставку был вызван весь Совет министров, но с приглашением к столу медлили [21, с. 157]. В том случае если приехавшим высокопоставленным докладчикам не вручалось приглашение за «царский стол», они принимали пищу вместе с генералитетом [32, с. 33]. Те, кто все-таки получал приглашение к «Высочайшей трапезе», составляли временный список приглашенных, наряду с завсегдаемыми [4, с. 563].

«Высочайший обеденный стол» как практику приема в могилевском «дворце» можно представить в виде следующих блоков: «ожидание» в приемном зале, «предобеденная закуска» и обеденный перерыв в столовой, а также «cercle» – императорский обход приглашенных. Заметим, что в летнее время «царский стол» мог быть накрыт и в военно-походной палатке на свежем воздухе [31, с. 523], однако мемуары в большей степени сконцентрированы именно внутри губернаторского дома.

Приглашенные за «Высочайший обеденный стол» собирались в приемном зале в ожидании выхода Николая II. После появления императора, собравшиеся проходили в столовую, следуя за Верховным Главнокомандующим [24, с. 144]. Подобная «церемония» также свидетельствует о статусе императора, который подчеркивался несмотря на заметное упрощение обстановки.

В углу столовой располагался «небольшой столик с закусками и граненым графинчиком водки», что «полагалось для старо-помещичьего

быта», в представлении Наумова [31, с. 509]. Во время «предобеденной закуски» Николай II, становясь сбоку от упомянутого столика, предлагал собравшимся еду или рюмку водки. Техника «предложения» монархом особо отмечалась Наумовым, признававшимся в своей «неопытности» и не придававшим изначально ей значения, за что удостоился «выговора» от Фридерикса: Николай II пристально смотрел в сторону того или иного гостя, который должен был «поймать» его взгляд и только после этого приблизиться к закусочному столику [31, с. 509]. Взгляд, а не слова или жесты, являлись приглашением в манере императора. А сетования министра земледелия на «незнание» обычаев говорит не только об общей неподготовленности мемуариста к приему (церемониальной некомпетентности), но и о непонимании им манер императора, видеть которого он мог неоднократно еще до взятия «министерского портфеля».

После того как «закусочный перерыв» заканчивался, собравшиеся направлялись к обеденному столу. В представлении Наумова [31, с. 510] и Поливанова [20, с. 135] обеденные блюда и сервировка могилевского императорского стола отличались простотой и скромностью. Кухня царской Ставки шла «наперекор всем традициям», а инициатором данной «авантюры» стоит признавать самого императора [33, с. 246]. Он определял своего рода кулинарно-культурный код с явным посланием приглашенным за «царский стол»: сознательное упрощение в пищевой практике монарха вызвано стремлением в военных условиях приблизиться к главному подчиненному Верховного Главнокомандующего – русскому солдату. Наумов описывал предлагаемые блюда как «чисто-русские кушанья», среди которых чаще всего можно было встретить «щи, селянки, похлебки, уху, разные каши» [31, с. 510]. Но русифицированная кухня сочеталась с устойчивой ритуальностью, перенесенной из столичных раутов в могилевский «дворец».

Говорить о полной аскетичности «царского стола» в Могилеве было бы неверно. Характерна в этом смысле церемония «презента». Зачастую приглашенные могли привозить в Ставку «дары» для «царского стола». Об одном из таких подношений вспоминал Наумов, ставший свидетелем «гостинца» А.Ф. Трепова, когда гости могли насладиться «разварной à la russe великолепной аршинной стерлядью» за завтраком. Министр земледелия был «новичком» в подобных «пиршествах», поскольку эта церемония не была ему известна, но она не являлась могилевским новшеством. А.А. Мосолов писал о данной «церемонии», вспоминая пребывание

царской семьи в Ливадии в довоенное время [33, с. 241]. Для Наумова этот эпизод – ритуал вежливости со стороны Трепова; о собственных подношениях министр земледелия своим читателям не сообщал. Упоминание об этом событии он соединял в мемуарах с советами В.Н. Воейкова, рекомендовавшего «брать пример» с Трепова [31, с. 370].

Сюжет, воспроизведенный мемуаристом, на первый взгляд, покажется малоинформативным. Тем не менее разыгранное «представление» позволяет судить о степени упрощения «нового быта» императора. Здесь нельзя говорить о резкой смене формаций. В церемонии «презента», описанной Наумовым, приезжающие министры, равно как и лица свиты, действуют в рамках традиционной придворной культуры, выражая «верноподданнические чувства» путем подношений. Эти компоненты не новы, как отмечено в мемуарах Мосолова, и они остались таковыми в Ставке.

После приема пищи собравшиеся за столом пили кофе, после чего император первым закурил и предлагал последовать его примеру всем остальным [20, с. 135]. А завершением вечера являлся «cercle», проходивший в приемной и являвшийся прощальным обходом приглашенных императором. Николай II и императрица (когда приезжала в Могилев) вели беседу с собравшимися. Если кто-то не удаивался беседы, то это трактовалось как «немилость» [22, с. 131]. Следовательно, визитер Ставки мог уловить признаки отрицательного отношения, не только не получив приглашения к столу, но и не удаиваясь беседы в случае приглашения. Впрочем, министры, находившиеся в Ставке малое количество времени, не всегда могли улавливать изменения в сложившемся этикете. Наумов вспоминал, что не ведал каких-либо правилах «cercle», которым следует подчиняться, отчего возникли неловкие ситуации. Их бывший министр запомнил надолго и пересказывал спустя много лет после описываемых событий [31, с. 511].

Когда говорят о существовании двух основных резиденций на период ведения военных действий в последние годы царствования Николая II, это не подразумевает статичность местопребывания монарха. Безусловно, после принятия должности Верховного Главнокомандующего император большую часть времени находился в Ставке, однако он весьма часто был и в Царском Селе. Переезды императора, а точнее «непроницаемая тайна», связанная с ними, в саркастичных тонах подмечена Поливановым, чьи отношения с монархом не отличались доверительностью. Военный министр иронизировал

в своих мемуарах над тем, что узнавал о перемещениях Верховного из газет, обозначая «тайну» передвижений как «тщательно соблюдаемый обычай» [23, с. 131]. Личное недоверие распространилось на деловое общение, а затем повлияло на дела военной и, соответственно, государственной важности, к каковым следует отнести осведомленность военного министра о местонахождении Верховного Главнокомандующего.

Отдаление резиденции, в которой менялись не только официальный этикет и церемонии, но и сам монарх, позволяет думать о прогрессирующем межличностном и коммуникационном надломе в отношениях Николая II и министров его правительства. «Опрошение» обстановки императорской резиденции, выразившееся в размерах и интерьерах «дворца», совместной трапезе, могилевской кухне и военизированной одежде, а также складывающаяся в Ставке новая церемониальная культура вызывали непонимание и растерянность министров. Их временное пребывание в Могилеве не позволяло уловить всех тонкостей и нюансов. Армейский настрой императора и предпочтение военному обиходу вызывали недоумение. Характерен в данном случае диалог между императором и Барком. Когда Николай II, упомянув о своем воспитании путем армейской дисциплины и привычке находиться среди военных, провел «аналогию между советом министров и полком», то вызвал удивление у министра финансов [29, с. 478]. Он же заметил, что министры стали рассматриваться царем как «простые начальники своих ведомств» [30, с. 131]. Мемуаристами отмечались не только новые для них «нюансы», но и отдаление императора, вслед за которым прослеживается ощущение министрами потери собственной значимости и появление новых фаворитов в военной среде. Барк вспоминал слова императора о том, «насколько хорошо чувствует себя среди своей армии и насколько ему несимпатична вся атмосфера столицы» [30, с. 131]. Ему вторил Сазонов: для находящегося в Ставке Николая II «разбираться в столичных дрызгах» делалось «почти невозможным» [28, с. 367–368]. Покровский подчеркивал стремление императора «вырваться из круга обычных докладов и разговоров и вздохнуть другим воздухом» [26, с. 189].

Однако предпочтение императором военной обстановки и усугубляющаяся отрешенность монарха от министров явились следствием не только личного расположения императора к военным делам [29, с. 92]. Демарш министров в 1915 г. стал спусковым механизмом в разрыве связи монарха и правительства. Фигуры на должностях министров в 1915–1917 гг. сменя-

лись, а проблема надлома в отношениях с правительством оставалась. «Бегство» Николая II из столицы и поиск опоры среди военных Ставки наложили отпечаток на повседневный и церемониальный быт монарха. Министры, находясь в географическом и эмоциональном отдалении, лишились солидарной поддержки и доверительности в общении с монархом в той мере, в какой считали должным ими располагать. Критикуя, разочаровываясь и недоумевая по прошествии времени, мемуаристы осознавали падение их статуса и значения в первую очередь через личное отношение к ним императора. Например, о привычке Николая II в напряженных моментах общения прибегать к объятиям и поцелуям, упоминали Наумов [31, с. 525] и Барк [29, с. 479]. Если Барк, памятуя о докладах в Царском Селе, свидетельствовал о растроганности императора [29, с. 479], то в момент отставки Наумова в Могилеве указанная эмоциональная техника императора трактовалась Покровским как фальшь, задевающая чувства увольняемого [26, с. 149–150].

В мемуарах министров бросаются в глаза две символические фигуры, дополняющие презентуемую картину Ставки и влиявшие на Николая II: наследник и свита. Особый символизм имела фигура наследника Алексея, длительное время находившегося в Ставке и приковывавшего к себе всеобщее внимание. Наумов, сравнивая поведение наследника в Царском Селе и в Ставке, писал, что ему «бросилась в глаза» резкая перемена в Алексее Николаевиче. Наследник превратился в «отчаянного озорника», занимался шалостями за столом, мог позволить себе передразнивания и «строить гримасы». Поведение Алексея Николаевича министр земледелия связывал с более домашней и более свободной обстановкой могилевского «дворца» [31, с. 500]. Подробные описания шалостей за столом [31, с. 519–520, 525] являются на самом деле ценными свидетельствами. Два главных представителя династии Романовых репрезентированы вне официальной рамки их статусного положения – императора и наследника престола, – но как отец и сын, балующий и баловник. Свита и чиновники впускались в их семейный, приватный мир. Однако это «приглашение» в домашнюю среду царской семьи Романовых не вызвало понимания и близости у мемуариста, а интерпретировалось ровным счетом наоборот. Мемуарист отталкивал это «приглашение» и отказывался его понимать: «Я своим глазам не поверил. <...> Я невольно перевел свой взгляд на Государя, который, вместо того, чтобы сдерживать своего расшалившегося сына, только улыбался», наблюдая «неподобаю-

щие в данной обстановке шалости» [31, с. 519]. И по прошествии времени с момента описываемых событий, мемуарист все еще не принимал и не воспринимал новый тип самопрезентации членов царской семьи, условием которого была большая открытость для окружающих.

Пространство царской резиденции в Ставке, по представлениям мемуаристов, заполняла могилевская свита. «Милость» или «опала» Николая II находила поддержку в «публике», приближенной к императору и отражавшей его настроения. Протопресвитер Г.И. Шавельский считал, что свита была «всемогуща» только во время приемов, завтраков и обедов [34, с. 341]. Однако данные камер-фурьерских журналов за лето 1916 г. свидетельствуют о том, что свита практически каждый день сопровождала императора во время развлекательных мероприятий (катание на автомобиле, прогулки на лодках по Днепру или кинематограф) [35, с. 187–277]. Военный министр в один из приездов в поведении свитских, лишенном «особых оттенков» [24, с. 146], увидел подтверждение собственного прогноза на увольнение (под «особыми оттенками» подразумевается подобоострастное отношение свиты к тем, кто находился в «царской милости»). «Оттенки», о которых упоминал Поливанов, обнаруживаются в мемуарах морского министра. Пышная встреча во время одного из визитов в Ставку со стороны «некоторых лиц свиты и членов Государственного совета» явилась свидетельством намерения императора назначить Григоровича председателем совета министров [19, с. 115]. Несмотря на то что мысль о повышении Григоровича не воплотилась в решение, окружение Николая II чутко уловило положительный интерес монарха к морскому министру и поспешило выразить ему свое почтение.

Полагаем, что фигура наследника как символизация приватного, с одной стороны, и свиты, воспринявшая «приглашение» в «домашнюю» жизнь императора, с другой стороны, усилили представление министров о Ставке как о месте, где порча подобающего монарху способа обращения с высокопоставленными подданными ведет к его отдалению от правительства, над которым тот формально главенствует.

Отдаление императора от правительства в свою очередь, по свидетельству Барка, формировало пространство отчужденности, невнимания и безразличия между ними [30, с. 83–84, 87, 131]. В новых условиях члены правительства оказались заложниками самодержавия, когда долг требовал подчинения императору, идеи генерала Алексеева о введении должности дик-

татора [31, с. 527–528] порицались, а все надежды возлагались на «возвращение» императора и единение с ним.

Отъезд императора из столицы не привел к консолидации власти в руках инициативного правительства. Барк безутешно констатировал, что правительство лишилось легального авторитета, тыл находился «без хозяина», а Совет министров остался в критическое время без поддержки Николая II, разошедшегося со «своими министрами» и пренебрегшего «их советами» [30, с. 37, 72, 238]. Здесь, в этом признании министр финансов фиксировал положение правительства, сохранившего лишь остаточную легитимность³. Физическое присутствие императора в столице, доступ к которому был упорядочен в виде еженедельных визитов, как минимум, являлось значимой гарантией стабильности в их положении. Теперь был нарушен «сценарий власти» Николая II, где он был представлен как «отец-защитник», близость к которому обеспечивала легитимность в действиях. Оказавшись в новой резиденции, Николай II обрел определенную свободу от трудных политических решений, во всяком случае, от регулярности в их принятии. Как справедливо заметил Р. Уортман, «в 1916 году правительство, кажется, лишилось какого-либо руководства» [40, с. 702]. Атмосфера Ставки позволяла Николаю II осуществить нисходящую адаптацию: от избалованного, капризного столичного общества к приземленной среде военных, от высокой церемониальной строгости к ритуальному «опрощению» в более скромном пространстве могилевской резиденции. Упрощение этикета и церемоний, быта и в конце концов самого императора уместно рассматривать как маркер его отрешенности от столичных забот (начиная от важных решений, принятых совместно с правительством, и заканчивая скандалами, интригами, вестями о заговорах и пр.) и как следствие раскола в «социальной драме» императора и его министров. Ее мизансцены были текстуально переосмыслены на «сцене памяти» в свете трагического финала императорской России и династии Романовых.

Последние министры империи, «перелистывая» былое и материализуя память о нем в мемуарных текстах, заново переживали апофеоз карьерного роста. Приближаясь к финальным аккордам личностных драм, мемуаристы концентрировались на фигуре императора и непосредственном взаимодействии с ним. Пульсация внимания в эпизодах с нарушением церемониального протокола в новом пространстве могилевской резиденции являлась повторной инсценировкой травмы поражения в ситуации острой

дисфункции власти, которую министры так и не смогли даже мысленно «переиграть». Чувство вины за собственное бессилие перед лицом надвигавшейся катастрофы вытеснялось в эксцентрическое пространство, фатально изменившее самого императора и перекрывшее возможности продуктивного взаимодействия с ним.

Примечания

1. Данное определение не является исчерпывающим и окончательным. Многообразие трактовок понятия «ритуал» можно обнаружить в дискуссиях XX столетия. Подробнее см.: [10].
2. Подробнее о проблеме разграничения понятий «ритуал» и «церемония» см. в [11–12].
3. Начиная с 1915 г. падение политического авторитета министров может сравниться с принципом действия песочных часов. Безусловно, «бегство» императора в Ставку и разрыв в коммуникации с министрами не были единственными факторами ослабления позиций членов правительства. Общеизвестно, что уровень доверия и уважения в обществе к высшим сановникам империи в преддверии революции находился на крайне низком уровне. Деятельность министерств и постоянная смена их глав, жесткая критика с трибун Думы, популярные мифы о центре принятых решений государственной важности в среде «темных сил» и пр. на фоне общей усталости от «войны до победного конца» поспособствовали сложившемуся к 1917 г. имиджу членов правительства. Внутри же совета министров развертывалась политическая борьба, в ходе которой возможности диалога для принятия совместных решений сводились к минимуму. Все это определенно накладывало отпечаток как на самих министров, так и на их отношения с императором. Подробнее о кризисе власти в годы Первой мировой войны см.: [1; 39].

Список литературы

1. Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны: Совет министров в 1914–1917 гг. Л.: ЛГУ, 1988. 208 с.
2. Соловьев К.А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906–1917 годах. М.: НЛЮ, 2019. 352 с.
3. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛЮ, 2010. 664 с.
4. Зимин И.В. Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центр-полиграф, 2021. 638 с.
5. Варфоломеев Ю.В. «Прокаженная дворцовая камарилья»: расследование деятельности «темных сил» Чрезвычайной следственной комиссией Временного Правительства // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 3–15.
6. Шиловский М.В. Император Николай II на посту Верховного главнокомандующего по информации камер-фурьерского журнала за январь 1916 – февраль 1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 151–157.
7. Доманска Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки / Отв. ред. М.А. Кукарцева. М.: Канон+, 2011. С. 226–235.
8. Шнейдер К.И., Веревкина И.Н. Трансформация самодержавия в Российской империи в начале XX в.: Взгляд С.Ю. Витте // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2021. Т. 5. № 3. С. 926–965.
9. Alexander J.C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy // *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual* / Ed. J. Alexander, B. Giesen, J. Mast. London–New York: Cambridge University Press, 2006. P. 29–91.
10. Bell C. *Ritual: Perspectives and Dimensions*. Oxford University Press, 2009. 351 p.
11. Отто А. Церемониал, церемония и ритуал российского придворного общества XVIII века: теоретико-методологический анализ в контексте современной западной историографии // *Российская история*. 2009. № 2. С. 115–124.
12. Бойцов М.А. Политический церемониал в Священной Римской империи XIV – начала XVI в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГУ, 2010. 44 с.
13. Ломакин Н.А. Образы пространства в папском церемониале XIII–XIV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2012. 233 с.
14. Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // *Социологический журнал*. 1995. № 1. С. 45–69.
15. Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2008. № 5. С. 329–335.
16. Turner V. *Social Dramas and Ritual Metaphors* // Turner V. *Dramas, Fields, and Metaphors: Symbolic Action in Human Society*. Ithaca–London: Cornell University Press, 1975. P. 23–59.
17. Интервью с профессором Джеффри Александером // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. 14. № 3. С. 5–19.
18. Alexander J.C. *Performance and power*. Cambridge: Polity Press, 2011. 246 p.
19. Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра / Сост., вступ. ст., подг. текста, коммент. И.Ф. Цветков. М.: Морская газета; Кучково поле, 2005. 320 с.
20. Поливанов А.А., Поликарпов В.В. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // *Вопросы истории*. 1994. № 2. С. 119–135.
21. Поливанов А.А., Поликарпов В.В. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // *Вопросы истории*. 1994. № 3. С. 153–163.
22. Поливанов А.А., Поликарпов В.В. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // *Вопросы истории*. 1994. № 5. С. 125–138.

23. Поливанов А.А., Поликарпов В.В. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 129–142.
24. Поливанов А.А., Поликарпов В.В. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 135–158.
25. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 г. / Под ред. А. М. Зайончковского. Т. 1. М.: Высш. воен. ред. сов., 1924. 240 с.
26. Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел / Сост., вступ. ст. С.В. Куликова, подг. текста Д.Н. Шилова при участии С.В. Куликова, коммент. С.В. Куликова. М.: НЛО, 2015. 488 с.
27. Шаховской В.Н. Так проходит мирская слава. 1893–1917 / Вступ. ст. и коммент. С.В. Куликова. М.: Ретроспектива; Кучково поле, 2019. 688 с.
28. Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж: Кн. изд-во Е. Сияльской, 1927. 398 с.
29. Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: В 2 т. / Вступ. ст. и коммент. С.В. Куликова. Т. 1. М.: Кучково поле, Мегapolis, 2017. 496 с.
30. Барк П.Л. Воспоминания последнего министра Российской империи. 1914–1917: в 2 т. / Вступ. ст. и коммент. С.В. Куликова. Т. 2. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2017. 552 с.
31. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний: в 2-х кн. Кн. 2. Нью-Йорк: Изд. О.А. Наумовой и О.А. Кусевицкой, 1955. 584 с.
32. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке: (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). Пб.: Гос. издат., 1920. 859 с.
33. Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора: записки начальника канцелярии Министерства Императорского Двора. М., Б.: Директ-Медиа, 2020. 364 с.
34. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 414 с.
35. Камер-фурьерские журналы, 1916–1917 / Сост. Б.Д. Гальперина, Б.П. Миловидов. СПб.: Д.А.Р.К., 2014. 1088 с.
36. Дубенский Д.Н. Его императорское величество государь император Николай Александрович в действующей армии. Июль 1915 г. – февраль 1916 г. Пг.: М-во имп. двора, 1916. 230 с.
37. Полное собрание законов Российской империи. 3-е изд. (ПСЗ РИ-III). Т. XXVI, отд. 1, 1906. № 27805. СПб.: Гос. тип., 1909. 1141 с.
38. Болтунова Е.М. Ставка Николая II в Могилеве и память о ней в советское и постсоветское время // Военно-исторический журнал. 2016. № 10. С. 49–55.
39. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: П.А. Трибунский, 2004. 472 с.
40. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / Пер. с англ. И.А. Пильщикова. М.: ОГИ, 2004. 796 с.

**TRANSFORMATION OF THE CEREMONIAL SPACE:
RESIDENCES OF NICHOLAS II 1914–1917 IN THE MEMOIRS OF ROYAL MINISTERS**

D.L. Pushkareva

In 1915, due to the “self-designation” of Nicholas II as Supreme Commander-in-Chief, the imperial residence – a space of contrasting intersection of “private and official” – moved from the Alexander Palace to the Governor's House of the Stavka, from Tsarskoye Selo to Mogilev, while the Council of Ministers retained its stay in Petrograd. The article analyzes changes in the practice of receptions of ministers when they visit the royal residence based on information in the memoir heritage of former members of the government. The study shows that the change of location entailed a transformation of official etiquette and ceremonies, directly reflected in the acts of political communication at the top of power.

Keywords: memoirs, Nicholas II, performance studies, ceremonial space, political communication, residence.

References

1. Florinsky M.F. The Crisis of Public Administration in Russia during the First World War: Council of Ministers in 1914–1917. L.: LSU, 1988. 208 p.
2. Soloviev K.A. Autocracy and the Constitution: political everyday life in Russia in 1906–1917. M.: NLO, 2019. 352 p.
3. Kolonitsky B.I. «Tragic Erotica»: Images of the Imperial Family during the First World War. M.: NLO, 2010. 664 p.
4. Zimin I.V. The Tsar's Work. 19th – early 20th centuries: Everyday Life of the Russian Imperial Court. M.: Tsentrpoligraf, 2021. 638 p.
5. Varfolomeev Yu.V. «Leprous Court Camarilla»: Investigation of Activity of «Dark Forces» of Extraordinary Commission of Inquiry of Provisional Government // Izvestiya of Saratov university. 2010. Vol. 10. Ser. History. International relations. Iss. 1. P. 3–15.
6. Shilovsky M.V. Chamber-Fourier journal. Data on emperor Nicholas II as commander-in-chief (January 1916 – February, 1917) // Tomsk State University Journal. 2017. №415. P. 151–157.
7. Domanska E. Performative turn in modern humanitarian knowledge // Ways to comprehend the past. Methodology and theory of historical science: collected articles / Ed. by M.A. Kukartseva. M.: Kanon+, 2011. P. 226–235.
8. Shneider K.I., Verevkina I.N. Transformation of autocracy in the Russian Empire at the beginning of the 20th century: Sergei Witte's viewpoint // Historia Provinciae – the Journal of Regional History. 2021. Vol. 5. № 3. P. 926–965.

9. Alexander J.C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy // *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual* / Ed. J. Alexander, B. Giesen, J. Mast. London–New York: Cambridge University Press, 2006. P. 29–91.
10. Bell C. *Ritual: Perspectives and Dimensions*. Oxford University Press, 2009. 351 p.
11. Otto A. Ceremonial, ceremony, and ritual in the Russian Court Society of the 18th century: theoretical and methodological analysis in the context of Modern Western Historiography // *Russian history*. 2009. № 2. P. 115–124.
12. Boytsov M.A. Political ceremonial in the Holy Roman Empire of the 14th – early 16th Centuries: Abstract of the dissertation of the Doctor of Historical Sciences. M.: MSU, 2010. 44 p.
13. Lomakin N.A. The Images of space in the papal ceremonial 13–14th centuries: The dissertation of the Candidate of Historical Sciences. M.: MSU, 2012. 233 p.
14. Filippov A.F. Elementary sociology of space // *Sociological Journal*. 1995. № 1. P. 45–69.
15. Chernyavskaya O.S. Social Space: A Review of theoretical interpretations // *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*. 2008. № 5. P. 329–335.
16. Turner V. *Social Dramas and Ritual Metaphors* // Turner V. *Dramas, Fields, and Metaphors: Symbolic Action in Human Society*. Ithaca–London: Cornell University Press, 1975. P. 23–59.
17. Interview with Professor Jeffrey Alexander // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2011. Vol. 14. № 3. P. 5–19.
18. Alexander J.C. *Performance and power*. Cambridge: Polity Press, 2011. 246 p.
19. Grigorovich I.K. *Memories of the Former Navy Minister* / Ed. by I.F. Tsvetkov. M.: Marine Newspaper; Kuchkovo field, 2005. 320 p.
20. Polivanov A.A., Polikarpov V.V. Nine months headed by the military ministry (June 13, 1915 – March 15, 1916) // *Questions of history*. 1994. № 2. P. 119–135.
21. Polivanov A.A., Polikarpov V.V. Nine months headed by the military ministry (June 13, 1915 – March 15, 1916) // *Questions of history*. 1994. № 3. P. 153–163.
22. Polivanov A.A., Polikarpov V.V. Nine months headed by the military ministry (June 13, 1915 – March 15, 1916) // *Questions of history*. 1994. № 5. P. 125–138.
23. Polivanov A.A., Polikarpov V.V. Nine months headed by the military ministry (June 13, 1915 – March 15, 1916) // *Questions of history*. 1994. № 8. P. 129–142.
24. Polivanov A.A., Polikarpov V.V. Nine months headed by the military ministry (June 13, 1915 – March 15, 1916) // *Questions of history*. 1994. № 10. P. 135–158.
25. Polivanov A.A. From Diaries and Memoirs on a Position of the Minister of War and His Assistant. 1907–1916 / Ed. by A.M. Zayonchkovsky. Vol. 1. M.: The Supreme Military Editorial Council, 1924. 240 p.
26. Pokrovsky N.N. *The last one in the Mariinsky Palace. Memoirs of the Minister of Foreign Affairs* / Ed. by S.V. Kulikov, D.N. Shilov. M.: NLO, 2015. 488 p.
27. Shakhovskoy V.N. *Thus Passes Worldly Glory. 1893–1917* / Ed. S.V. Kulikov. Moscow: Retrospective; Kuchkovo field, 2019. 688 p.
28. Sazonov S.D. *Memoirs*. Paris: Publishing house of E. Siyalskaya, 1927. 398 p.
29. Bark P.L. *Memories of the last Minister of Finance of the Russian Empire. 1914–1917: In 2 vols.* / Ed. S.V. Kulikov. Vol. 1. M.: Kuchkovo field, Megapolis, 2017. 496 p.
30. Bark P.L. *Memories of the last Minister of Finance of the Russian Empire. 1914–1917: In 2 vols.* / Ed. S.V. Kulikov. Vol. 2. M.: Kuchkovo field, Megapolis, 2017. 552 p.
31. Naumov A.N. From the survived memoirs. 1868–1917: In 2 vols. Vol. 2. New York: Publishing house of O.A. Naumova and O.A. Koussevitskaya, 1955. 584 p.
32. Lemke M.K. *250 days at an Imperial Headquarters: (September 25, 1915–July 2, 1916)*. Pb.: State Publishing House, 1920. 859 p.
33. Mosolov A.A. *At the court of the last Russian Emperor: notes of the Chief of the Chancellery of the Ministry of the Imperial Court*. M., B.: Direct-Media, 2020. 364 p.
34. Shavel'sky G.I. *Memoirs of the last Protopresbyter of the Russian Army and Navy: In 2 vols. Vol. 1*. New York: Chekhov Publishing House, 1954. 414 p.
35. *Chamber-Fourier Journals. 1916–1917* / Ed. B.D. Galperina, B.P. Milovidov. SPb.: D.A.R.K., 2014. 1088 p.
36. Dubensky D.N. *His Imperial Majesty Emperor Nicholay Alexandrovich in the active army. July 1915–February 1916*. Pg.: Ministry of the Imperial Court, 1916. 230 p.
37. Complete collection of laws of the Russian Empire. 3rd coll. (CCL–III). Vol. 26, Dep. 1, 1906. №27805. SPb.: State Printing House, 1909. 1141 p.
38. Boltunova Ye.M. *General Headquarters of Nikolay II in Mogilyov and the Memory about it in Soviet and post-Soviet times* // *Military History Journal*. 2016. № 10. P. 49–55.
39. Kulikov S.V. *Bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)*. Ryazan: P.A. Tribunsky, 2004. 472 p.
40. Wortman R.S. *Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy. In 2 vols. Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II / Translated from English I.A. Pilshchikova*. M.: OGI, 2004. 796 p.